

Политико-богословский аспект подвига новомучеников на примере священномученика Платона, епископа Ревельского

Протоиерей Константин Костромин¹, О. Л. Церницкая^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви,
Российская Федерация, 191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Костромин К. А., Церницкая О. Л.* Политико-богословский аспект подвига новомучеников на примере священномученика Платона, епископа Ревельского // Вопросы теологии. 2020. Т. 2, № 2. С. 221–233.

<https://doi.org/10.21638/spbu28.2020.202>

Новомученики и исповедники российские — повод для специального изучения в рамках политической теологии. Ни само направление, ни теоретические подходы к нему не содержат попыток рефлексии ситуации, в которой и политическая система, и Русская православная церковь оказались в 1917 г. Авторы статьи полагают, что можно и нужно рассматривать подвиг новомучеников в том числе как политический, а потому обращаются к постановке этой проблемы на примере священномученика Платона, епископа Ревельского (Павла Кульбуша), в личности которого сочетаются верность архиерея своим традиционным религиозным идеалам, попытка сохранить церковную жизнь в стремительно меняющихся политических и культурных условиях и при изменении политической конъюнктуры, послуживших причиной его гибели. Отстаивание ценностей Русского мира, имеющих значение не только для русского населения бывшей Российской империи, права на религиозную идентичность вне зависимости от политического строя или господствующей идеологии, участие в устройении жизни страны, где довелось проходить служение, — вот принципы, которые отстаивал священномученик Платон, за которые он погиб и которые были основанием для жизненной позиции новомучеников последующих десятилетий. В статье определены принципы рассмотрения подвига новомучеников как политического, представлено жизнеописание священномученика Платона через призму данных принципов и как их подтверждение, а также представлена характеристика политической ситуации периода его служения в России и в Эстонии. В совокупности это позволило установить суть политического подвига новомучеников как способности оставаться гражданами своего Отечества вне зависимости от политических обстоятельств.

Ключевые слова: политическая теология, Платон Ревельский, новомученики, исповедники, политический подвиг, национальная идентичность, православие.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2020

Категории политической теологии в практической своей основе призваны дать ответы на насущные вопросы о взаимоотношениях христианских церквей (а в последние десятилетия — и иных религиозных организаций) и государств. Действительно, вслед за К. Шмиттом¹ мы можем проследить связь между изменениями в осмыслении Бога и трансформацией политического строя, можем представлять и доказывать, что политическая власть подвержена влиянию религии (ее институционализированных форм)². Но ни само направление, ни теоретические подходы к нему — лично ориентированный правый и социально детерминированный левый — не содержат, на наш взгляд, попыток рефлексии противоположной ситуации, в которой и политическая система, и Русская православная церковь оказались в 1917 г. Насильственное втягивание России в ситуацию модерна³ (причем модерна догоняющего, и стремительно, а оттого жестко) не имело ничего общего с эволюционными изменениями представлений о Боге (за исключением небольшой, на фоне населения Российской империи, группы), влекущими переосмысление политического процесса и/или строя. Здесь можно возразить, что Бог для большинства российских подданных был скорее понятием бытовым, но отвлеченным, но если вспомнить историю Христианской церкви (древней, еще единой), то в восприятии многих верных Господь очень быстро именно эту нишу и занимал. Что же касается Русской православной церкви, то ее вынужденную реакцию на произошедшие изменения можно было бы теоретизировать посредством апеллятивной политической теологии, однако интерпретация христианского откровения появится у новой власти далеко не сразу — начинала она с попытки полного, физического уничтожения церкви. И снова можно вспомнить древнюю церковь и первых ее мучеников: они были непонятны римской власти, их учение — чужеземным и новым для нее, и ожидания от их действий вполне оправдывали применявшиеся меры (разумеется, в глазах их применявших). Конечно же, мы не можем сказать того же о духовенстве Русской православной церкви и пришедших к власти большевиках.

Еще один существенный нюанс: если приводить в пример рассуждения о богоборчестве большевиков, сводящие их зверства от атеизма к служению силам отнюдь не небесным, то мы получим картину и более впечатляющую, в которой подвиг новомучеников глубоко политичен, так как они свидетельствовали о вере не просто в ситуации политических репрессий со стороны государственной власти, но перед лицом антихриста в образе этой власти.

¹ *Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty / transl. by G. Schwab. Chicago: University of Chicago Press, 2005.*

² *Philpott D. Explaining the Political Ambivalence of Religion // American Political Science Review. 2007. Vol. 101, no. 3. August. P.505–525.*

³ См. подробнее: *Церницкая О. Л. Православная духовная миссия и глобальные модернизационные процессы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011.*

Иными словами, новомученики и исповедники российские — повод для отдельного изучения в рамках именно политической теологии. Мы можем рассматривать их подвиг и как политический, поскольку, во-первых, мученическая их кончина или исповедничество были прямым следствием появления нового государственного строя (не говоря уже о новой эпохе общественного развития), а во-вторых, при их непосредственном (как разработчиков) или опосредованном (с учетом их примера) участии Русская православная церковь выработала и документировала свое отношение к власти. Кстати, это позволяет аргументированно возразить той части исследователей, которые утверждают, что политическая теология не имеет под собой ничего иррационального, являясь сугубо доктринальной⁴: пример подвига священномученика Вениамина (Казанского) Петроградского или священномученика Философа Орнатского (и многих других) — это столкновение глубокой веры с системой, ей враждебной и чуждой.

В контексте приведенных рассуждений один из наиболее типологически интересных примеров — гибель священномученика Платона, епископа Ревельского (Павла Петровича Кульбуша), в которой сочетаются верность архиерея своим традиционным религиозным идеалам, попытка сохранить церковную жизнь в меняющихся политических и культурных условиях и изменение политической конъюнктуры, приводящей к гибели того, кто отстаивает ценности Русского мира, исходящие из православного мирозерцания.

Прежде чем перейти к анализу событий, повлекших за собой резонансное убийство епископа Платона, нужно сказать несколько слов о той обстановке, в которой сформировалась личность будущего священномученика. Павел Кульбуш был природным эстонцем, родившимся в Лифляндской губернии, что, вероятно, облегчило ему возможность поступить в Рижскую духовную семинарию. Духовенство и паству в северо-западной части Лифляндии (нынешняя юго-западная часть Эстонии) в значительной степени составляли русские, однако среди воспитанников Рижской семинарии на некоторых курсах училось большое число латышей и эстонцев. Детство Павла Кульбуша пришлось на время активных попыток рижских архиереев привить православие коренным народам Прибалтики и противодействовать массовым переходам уже ставших православными латышей и эстонцев в лютеранство. Учеба в семинарии же совпала с эпохой массовой русификации Прибалтики, так что вопросы соотношения имперского и национального в православии были для священномученика Платона острыми с детства⁵.

⁴ Rommen H. A. The State in Catholic Thought: A Treatise in Political Philosophy. St. Louis; London: V. Herder Book Co., 1945. P. 38.

⁵ См. об этом: Мусаев В. И. Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2018. С. 42–67; Котов А. Э., Петров И. В. У истоков Латвийской Православной Церкви: от «русской веры» к автокефалистским тенденциям // Научный диалог. 2019. № 11. С. 338–339.

Обучение в Рижской семинарии, в русской среде, где, однако, хватало выходцев из эстонских семей, а затем в Санкт-Петербургской духовной академии, куда он смог поступить как лучший выпускник Рижской семинарии, выковало будущего священника, смыслом жизни которого стало служение православным эстонцам диаспоры, поскольку компактное проживание вне Эстляндии — в Петербургской губернии — обернулось после прихода к власти большевиков массовым оттоком эстонского населения обратно в Эстонию⁶, т. е. эта территория не рассматривалась ими как родина. Овладев рядом языков, включая русский, эстонский и немецкий, хорошо зная историю и умея убедительно и красиво говорить (в будущем священномученике сочетались таланты преподавателя и проповедника), как отличный организатор, Павел Кульбуш, ставший настоятелем эстонского прихода Петербурга, смог поставить дело православного окормления эстонцев на твердую почву⁷.

К моменту рукоположения Павла Кульбуша в священный сан в столице империи уже был прибалтийский приход, возглавлявшийся латышом, священником Адамом Симо, отцом будущего священномученика Николая Симо⁸. Приход не был сплоченным: латыши и эстонцы с заметным трудом переносили соседство друг с другом, однако стремление совершать богослужения на латышском и эстонском языках (права на это нужно было еще добиться) до определенного момента их объединяло. Появление эста Кульбуша привело к выдвижению группой православных эстонцев идеи создать в Петербурге, в противовес сильной лютеранской эстонской общине, православную общину во главе с молодым выпускником академии. Через десять лет после рукоположения священник Павел Кульбуш смог начать строительство православного эстонского храма в Петербурге, создать братство во имя только что прославленного священномученика Исидора Юрьевского и благочиние эстонских приходов Петербургской епархии⁹. Именно тогда, в последние годы XIX — первые годы XX в., петербургское и, шире, российское церковное руководство в лице петербургского митрополита Палладия (Раева) и обер-прокурора Святейшего синода К. П. По-

⁶ См. подробнее: *Мусаев В. И.* Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. СПб.: Нестор, 2009. С. 100–101.

⁷ См. об этом: *Костромин К., прот.* Павел Кульбуш (будущий священномученик Платон, епископ Ревельский) как студент Санкт-Петербургской Духовной Академии // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 190–199.

⁸ См. о них: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святые Санкт-Петербурга: энциклопедия христианских храмов. СПб.: Лики России, 2010. С. 21.

⁹ См. подробнее: *Костромин К. А.* Свято-Исидоровская церковь сегодня и сто лет назад // Коломенские чтения — 2008. Альманах. № 3 / под ред. В. В. Антонова. СПб., 2009. С. 51–66; *Власов А. Г.* Из истории «Санкт-Петербургского православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского»: 1898–1911 гг. // Клио. 2016. № 1 (109). С. 178–185; *Шкаровский М. В.* Эстонские православные приходы в Санкт-Петербургской епархии // Православие в Балтии. 2018. № 7 (16). С. 58; *Костромин К. А.* Эстонское благочиние Санкт-Петербургской епархии // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4 (24). С. 196–209.

бедоносцева стало поддерживать церковное просвещение и окормление балтийских народов, включая как эстонцев, так и финнов. Православие должно было стать не только частью знаменитой уваровской «русской триады», но и опорой государственного строя и на этнических окраинах. Очевидно, что сформировать соответствующее мировоззрение в будущих странах Балтии ни церковное, ни государственное руководство не успели.

Еще одна проблема, с которой готовился столкнуться будущий священномученик, — религиозно-просветительская активность лютеранской церкви. Эта активность была ориентирована на эстонское население, для чего широко использовался эстонский язык, однако лютеранское эстонское движение должно было развиваться только вширь, поскольку занятие церковных должностей эстонцами не предполагалось: первый эстонский лютеранский епископ был рукоположен уже после гибели первого эстонского православного епископа, также эста по национальности — священномученика Платона. В конце XIX в. лютеранское население Эстонии было больше православного в десятки раз¹⁰. В годы служения в Петербурге о. Павел Кульбуш максимально деполитизировал вопрос о языке: «...каменем претыкания для православия оказываются национальные вождедения известной части эстонцев. Православие и связанный с ним русский язык и круг понятий — для ярых националистов предмет самой откровенной ненависти. Хуже “русской веры” для них ничего нет. С другой стороны, уступки в языке, — где по необходимости — для преуспевания в усвоении веры незнающими другого языка, кроме эстонского, где из видов выгораживания себя из политики, с единою лишь целью, да всяко единого спасающего верою привлечь неких ко спасению, — могут вызвать опасения недальновидных и усердных патриотов, считающих для церкви честью быть прежде всего в услужении земным интересам. Положение действительно нелегкое, и единственный по-видимому из него выход: по возможности игнорировать ту и другую сторону, имея перед глазами единую вечную цель — приобретение чад истинной вселенской церкви, сошествием Св. Духа и даром языков в соединении вся призвавшей и воинствующей для небесного царства, а не земли»¹¹.

Священнику Павлу Кульбушу удалось создать полноценный национальный приход, построив храм и выписав из метрических книг церковей города этнических эстов, сформировав, по сути, религиозно-националь-

¹⁰ См. подробнее: *Кульбуш П., свящ.* Православие и православные эстонцы в Прибалтийском крае и в столице // Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского. Отчет о деятельности братства за 1898–1899 год. СПб.: Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского, 1900. С. 66–73; *Алексий II, патр.* Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999. С. 119–369.

¹¹ Цит. по (с сохранением языковых черт оригинала): *Костромин К., прот.* Особенности эстонского православного самосознания в начале XX века (к 100-летию мученического подвига священномученика Платона (Кульбуша), епископа Ревельского) // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 181–182.

ный культурный центр в столице Российской империи, где были организованы типография, библиотека, книжная лавка, школа, приют для девушек и некоторые другие социальные службы. К 1917 г. приход насчитывал почти 2500 прихожан и был центром благочиния эстонских приходов¹². Правда, братство, столкнувшееся в начале мировой войны с экономическими трудностями, сократило в первые годы войны часть своих социальных инициатив¹³.

Ситуация, которая привела к гибели священномученика Платона, стала формироваться с началом Первой мировой войны. Состояние Православной церкви в Эстляндии и Лифляндии в то время напрямую зависело от ситуации в Рижской епархии, движения линии фронта и политики столичных властей. После обострения ситуации на фронте летом 1915 г., отступления русских войск и сдачи Риги Рижское епархиальное управление переехало в располагавшийся ближе всех к границе с Петроградской губернией эстляндский город Юрьев (Дерпт). Однако для национальных чаяний эстонцев этот переезд не имел никаких последствий, поскольку консистория была чисто русским учреждением.

Революционный год прошел в Эстляндии примерно так же, как и в столице империи, с двоевластием, прекратившимся 25–26 октября с захватом власти большевиками¹⁴. Политическая ситуация складывалась в форме поляризации общественных настроений. На политической арене появились три мощные силы, определившие также события, касавшиеся Православной церкви: националистическая, пророссийская и прогерманская. Две последние были значительными вследствие близости русских губерний и германского фронта, а также большого числа русских и немецких жителей, проживавших в Эстляндии продолжительное время: германское население появилось здесь в середине XIII в. и составляло аристократию всего прибалтийского региона, а русское — в основном с середины XVII — начала XVIII в. и было представлено в основном чиновниками, рабочими и военными.

В таких условиях еще до большевистского переворота в Юрьеве началось обсуждение будущего церкви в Прибалтике. Поскольку отделение прибалтийских народов от России казалось наиболее вероятным результатом революционных событий, на повестке дня епархиального съезда, собравшегося в мае 1917 г., было оформление церковной епархиальной жизни будущих Эстонии и Латвии. Депутаты от эстонских приходов потребо-

¹² См. об этом: *Чижов А., диак., Алексеев А. А.* Русско-эстонский Исидоровский приход в Петербурге — Петрограде — Ленинграде // Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Л.: Ленинградская митрополия, Исследовательско-информационный центр, 1989. С. 134–139.

¹³ См. подробнее: *Костромин К., прот.* Свято-Исидоровский приход и его причт в 1917 году // Православные эстонцы Петербурга. 1917: до и после. СПб.: [б. и.], 2017. С. 19–20.

¹⁴ См. подробнее: *Кэбин И.* Эстония — прошлое, настоящее. Таллин: Эстонская книга, 1970. С. 21–22.

вали перевода богослужения и церковного делопроизводства на эстонский язык, а также назначения на эстонскую кафедру, которую предполагалось учредить, этнического эста¹⁵. Подходящей кандидатурой казался настоятель эстонского прихода в Петрограде протоиерей Павел Кульбуш. Эстонцы, бывавшие до этого в Петрограде, могли свидетельствовать о его административно-организаторских талантах. Сведений о политических взглядах протоиерея нет, что говорит о некоторой вторичности политики в его жизни, и такой политический нейтралитет должен был представляться ценным качеством в непростых политических условиях Прибалтики. Главным предметом переговоров Рижской консистории и Святейшего синода оказались статус и титул будущего эстонского епископа. Эстонцы хотели иметь полноценную епархию, а Синод, опасавшийся сепаратистских настроений в Эстляндии, настаивал на создании викариатства, что в итоге и произошло.

Либерализация церковной жизни в России в течение 1917 г., носившая несколько более абстрактный характер, чем в Эстонии, была своеобразной реакцией на ослабевшее влияние церкви на городское население, определявшее в годы революции политическую ситуацию в стране. Выборы архиереев, прошедшие в апреле — июне 1917 г., изменение состава Синода, приветствие изменения государственного строя, подготовка к созыву Поместного собора фактически стали попыткой ответить на изменение политико-мировоззренческого климата, в результате чего либеральные взгляды должны были занять место православно-консервативной государственной идеи эпохи монархии. Захват власти большевиками означал отказ от либеральной идеи в пользу революционной, еще более антимонархической и антирелигиозной, чем те, что предлагали Комитет Государственной думы и Временное правительство. В течение года положение церкви в российском обществе заметно эволюционировало, и будущий священномученик Платон, избранный на кафедру в августе 1917 г., был непосредственным свидетелем этого процесса¹⁶.

Захватив власть в основных эстонских городах, большевики закрыли железнодорожное сообщение между Петроградом и Ревелем, опасаясь, что русская армия, воевавшая в Прибалтике против немцев, может прийти на помощь арестованному Временному правительству¹⁷. Когда вопрос о поставлении протоиерея Павла Кульбуша на эстонскую кафедру (в ноябре 1917 г.) был окончательно согласован, добраться до Эстонии оказалось невозможно, однако именно в Ревеле, повинувшись национальным предпочтениям эстонцев, Святейший синод и патриарх Тихон полагали необходимым провести его архиерейскую хиротонию. Только в 20-х числах декабря петроградский митрополит Вениамин (Казанский), его викарий лужский

¹⁵ Рижские епархиальные ведомости. 1917. № 5–6. С. 149–157.

¹⁶ Шор Т. К. Письма и автографы Патриарха Тихона в архиве Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви // VII Псковские международные краеведческие чтения: материалы. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 177.

¹⁷ См. подробнее: Кэбин И. Эстония — прошлое, настоящее. С. 21.

епископ Артемий (Ильинский) и Павел Кульбуш, ставший архимандритом Платоном, добрались до Ревеля, где в Александро-Невском соборе митрополит совершил наречение, а 31 декабря 1917 г. — хиротонию архимандрита Платона во епископа Ревельского, викария Рижской епархии¹⁸.

Съездив в Москву, епископ Платон, видимо, в конце января 1918 г. вернулся в Эстонию. Пока он был в дороге, большевики объявили о создании независимого советского эстонского государства — Эстляндской трудовой коммуны. Националисты также предприняли попытку оформить на западе Эстляндии структуры государственного управления, по факту подконтрольные Германии, хотя на национальных чувствах пытались играть и большевики. Уже в начале февраля переговоры в Брест-Литовске остановились, и Германия заявила, что присоединяет всю Прибалтику, после чего германские войска перешли в наступление и к 20-м числам февраля полностью заняли оставшиеся территории Эстляндии. Нарва, принадлежавшая Петроградской губернии, была взята 4 марта, на следующий день после подписания мирного договора, по которому Эстония отходила к Германии¹⁹. Русское население покидало Эстонию, боясь притеснений²⁰.

Епископ Платон в Москве получил назначение не в качестве викарного епископа Эстонии, а в качестве управляющего всей Рижской архиепископии, поскольку архиепископ Иоанн (Соколов) уехал в Рязань²¹. Положение православия в Прибалтике было теперь очень сложным — его интересы отныне отстаивало не русское государство и тем более не рейх, а только изолированное духовенство Эстляндии и Лифляндии, в значительной степени русское по принадлежности, во главе с епископом-эстонцем. Тем не менее в первые месяцы немецкой оккупации на епископа Платона не оказывалось заметного давления. Например, когда 9 апреля владыка освятил церковь Александра Невского в Дерпте, власти не помешали провести съезд эстонского духовенства. Объединение всей Прибалтики в руках Германии дало епископу Платону возможность посетить Ригу и латвийскую часть епархии, которая с 1915 г. была недоступной для православных архиереев. В Лифляндии он начал объезжать храмы, стараясь совершать богослужения почти каждый день.

Однако ни подобная свобода действий руководителя Российской церкви, ни его деятельность в национальных интересах эстонцев и латышей не могли устраивать германские власти. В конце апреля — мае 1918 г.

¹⁸ См. об этом: *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Сатисъ, Держава, 2003. С. 103–104.

¹⁹ См. подробнее: *Булатов В. В.* Об экономических последствиях Брест-Литовского мира // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 3. Экономика. Экология. 2011. № 2. С. 30.

²⁰ См. об этом: *Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940)* / под ред. С. Г. Исакова. Тарту: Крипта, 2000. С. 22.

²¹ Сведения приводятся по: *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики... С. 104; Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 77.

они постарались усложнить передвижение архиерея по стране, в том числе путем запрета на пользование железными дорогами. Это вынудило епископа Платона несколько раз писать в германскую администрацию резкие письма (представить себе дореволюционного архиерея, пишущего такие послания, невозможно, но революционные годы вынудили писать обличительные воззвания и патриарха Тихона, и других архиереев)²². Политика немцев была направлена и против русского влияния (как им казалось, осуществлявшегося русским духовенством), и против национальных интересов эстонцев, однако епископу Платону все же позволили продолжить архипастырскую деятельность в районе Дерпта. Связь владыки со священноначалием в Москве почти прервалась, и он мог не знать подробностей церковной политики большевиков. Однако для епископа Платона более актуальной стала проблема притеснения эстонского и русского населения, его паствы, в целях возвращения привилегированного статуса и потерянного имущества немцев, с XIII в. проживавших в Прибалтике, хотя эти притеснения были несопоставимы с антицерковной политикой большевиков в России²³. Разумеется, лютеранская церковь находилась в куда лучших условиях.

После германской революции, прошедшей в ноябре 1918 г., деятельность немецкой администрации в Прибалтике оказалась парализована. Европейские государства потребовали сохранения в Эстонии германского воинского контингента, чтобы он мог предотвратить приход к власти в Эстонии большевиков до прибытия англо-французских войск. Однако советские власти действовали быстро. После революции в Германии ВЦИК аннулировал Брест-Литовский мирный договор, 28 ноября эстонские и русские части Красной армии перешли в наступление и взяли Нарву. Эстляндская трудовая коммуна как государство была возрождена, а в декабре была провозглашена и ее «независимость». Части Красной армии развернули наступление на Ревель (Таллин), однако дальше Дерпта пройти не смогли²⁴.

В Дерпт большевики вошли без боя 22 декабря 1918 г. и сразу начали массовый террор. Было арестовано около 500 чел., которые, по мнению большевиков, пользовались благоволением германских властей²⁵. 12 декабря на Ревельском рейде встала на якорь английская эскадра адмирала Синклера²⁶. Именно ее появление заставило большевиков поторопиться с репрессиями, так как они не надеялись, что существование Эстляндской

²² См. об этом: *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики... С. 105–110.

²³ См. подробнее: *Петров И. В.* Православные приходы острова Эзель в период германской оккупации 1917–1918 гг. // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии: сб. докладов межвузовской конференции. Т. 3. СПб.: ЛЭТИ, 2015. С. 138–142.

²⁴ Подробнее об этих событиях см.: *Кэбин И.* Эстония — прошлое, настоящее. С. 41–45.

²⁵ См. об этом: *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики... С. 110–111.

²⁶ Приводится по: *Кэбин И.* Эстония — прошлое, настоящее. С. 47–48.

трудовой коммуны будет долгим. И действительно, уже в конце декабря между Красной армией и английскими войсками начались столкновения.

Большевистские руководители Эстляндской трудовой коммуны провели 1918 г. на работе в ЧК и хорошо знали особенности церковной политики большевиков в России. Поэтому церковная политика эстонских большевиков теперь оказалась крайне жесткой и быстро претворялась в жизнь. 10 декабря руководство Эстляндской трудовой коммуны издало декрет о высылке «попов всех вероисповеданий», а 12 декабря запретило праздновать церковные праздники²⁷. 28 декабря в Дерпт приехали комиссары А. Тийманн, О. Клазер, А. Куль и Э. Отть. 30 декабря был обнародован запрет на совершение любых богослужений в Дерпте. Владыка Платон лежал с воспалением легких и не служил²⁸. В храмах, преимущественно лютеранских, прошли большевистские митинги. 26 декабря в Везенберге (Раквере) был убит первый священник — священномученик Сергей Флоринский, а 8 января 1919 г. в Нарве еще двое — священномученики Александр Волков и Димитрий Чистосердов²⁹. 2 января поздно вечером на улице были арестованы епископ Платон и два священника — протоиереи Михаил Блейве и Николай Бежаницкий. 14 января англо-эстонские войска потеснили отряды большевиков и вышли к Дерпту. Именно тогда, покидая Тарту, большевики и расстреляли часть заложников, прежде всего православное и лютеранское духовенство³⁰.

Сразу после гибели священномучеников Платона, епископа Ревельского, и пресвитеров Михаила и Николая история германской Эстляндии и Эстляндской трудовой коммуны закончилась. Союзники создали на территории Эстонии капиталистическое государство, в котором церковь получила определенную степень свободы; так, был организован Синод эстонской церкви, несколькими годами позднее перешедший под влиянием государственных властей в юрисдикцию Константинопольской патриархии³¹.

²⁷ Данные приводятся по: *Илляшевич В.* К 94-й годовщине гражданской войны в Эстонии: Кто убил Тартуских священномучеников? URL: <http://www.baltija.eu/news/read/23017> (дата обращения: 09.03.2020).

²⁸ См. об этом: *Петров И. В.* Две жертвы русского епископата в первые годы советской власти: епископ Ревельский Платон (Кульбуш) и архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский) // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.)*. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 273–274.

²⁹ См. подробнее: *Нестор (Кумыш), иером.* Новомученики... С. 20–22, 84–88.

³⁰ Там же. С. 112–117.

³¹ См. об этом: *Петров И. В.*: 1) Православные приходы Эстонии в конце 1917–1920-х годах в контексте военного противостояния // *Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии: сб. докладов межвузовской конференции*. Т. 2. СПб.: ЛЭТИ, 2014. С. 196–203; 2) Гонения на православную церковь в советской России и в обретших независимость странах Балтии в период гражданской и освободительных войн: 1918–1922 гг. // ГУЛАГ. Начало: материалы всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 10–11 ноября 2017 г.). Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2017. С. 160–168.

Таким образом, пример подвижнической (и в политическом плане!) жизни и гибели священномученика Платона подтверждает наш тезис о «политическом подвиге» новомучеников, высказанный в начале данной статьи.

Как видно из приведенного жизнеописания, мученическая кончина епископа Платона последовала именно из-за попытки смены государственного строя, хотя никаких действий против регулярно меняющихся властей будущий священномученик не предпринимал. В своей архипастырской деятельности он демонстрировал именно ту позицию, которую впоследствии озвучит Русская православная церковь: «Приносить в Церковь только веру и работать... только во имя веры»³². Наконец, все те действия священномученика Платона, которые могли бы показаться нам сегодня околполитическими, были отнюдь не политическими интригами, а целенаправленной работой по сохранению своей паствы и по ее консолидации в церкви и вокруг нее (для чего и потребовалась, например, работа с националистическими настроениями прихожан). Отчасти благодаря трудам и свидетельству священномученика Платона Ревельского Русская православная церковь до сего дня присутствует в Эстонии, а это, в свою очередь, оказывает влияние на возможность политического диалога между государствами.

Статья поступила в редакцию 2 марта 2020 г.
Статья рекомендована к печати 23 апреля 2020 г.

Информация об авторах:

Костромин Константин Александрович, протоиерей — канд. ист. наук,

канд. богословия, доц.; k.a.kostromin@mail.ru

Церпицкая Ольга Львовна — д-р полит. наук, доц.;

olga-tserpitskaya@yandex.ru

Political and theological aspect of the new martyrs' feat on the example of hieromartyr Platon, bishop of Revel

Archpriest Konstantin Kostromin¹, O. L. Tserpiskaya^{1,2}

¹ St. Petersburg Theological Academy,
17, nab. Obvodnogo kanala, St. Petersburg, 191167, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kostromin K. A., Tserpiskaya O. L. Political and theological aspect of the new martyrs' feat on the example of hieromartyr Platon, bishop of Revel. *Issues of Theology*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 221–233. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2020.202> (In Russian)

The new martyrs of Russia are the reason for a separate study within the framework of political theology. Neither the trend of the study, nor the two theorized approach-

³² Декларация митрополита Сергия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/2463.html> (дата обращения: 09.03.2020).

es to it, contain attempts to reflect upon the situation in which both the political system and the Russian Orthodox Church found themselves in 1917. We can and should consider their feat as a “political” one. The article is devoted to the problem of the political feat of the new martyrs on the example of the Hieromartyr Platon of Revel. The heroic feat combines the Bishop’s loyalty to traditional religious ideals, an attempt to preserve Church life in changing political and cultural conditions, and a change in the political environment that leads to the death of those who defend the values of the Russian world. The article defines the principles of considering the feat of the new martyrs as “political”, presents the life of the Hieromartyr Platon through the prism and as confirmation of these principles. Also, a description of the political situation of the period of his Ministry is provided in the article. Together, this allowed us to define the essence of the political feat of the new martyrs as the ability to remain citizens of their Fatherland regardless of the political circumstances.

Keywords: political theology, Platon of Revel, new martyrs, political feat, national identity, Orthodoxy.

References

- Aleksiy II, patr. (1999) *Orthodoxy in Estonia*. Moscow, Pravoslavnaia Entsiclopedia Publ. (In Russian)
- Antonov V. V., Kobak A. V. (2010) *Shrines of St. Petersburg: encyclopedia of Christian churches*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ. (In Russian)
- Bulatov V. V. (2011) “On the economic consequences of the Brest-Litovsk peace”, in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*, no. 2, pp. 34–39. (In Russian)
- Chizhov A, diak., Alekseev A. A. (1989) “Russian-Estonian Isidorovsky Parish in St. Petersburg — Petrograd — Leningrad”, in *From the History of Orthodoxy to the North and West of Veliky Novgorod*. Leningrad, Leningradskaya Mitropoliia, Issledovatel'sko-informatsionnyi tsentr Publ., pp. 134–139. (In Russian)
- Gubonin M. E. (ed.) (1994) *Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of the highest church authority 1917–1943*. Moscow, PSTBI, Bratstvo vo Imia Vsemilostivogo Spasa Publ. (In Russian)
- Ilyashevich V. *On the 94th anniversary of the Estonian civil war: Who killed the Tartu holy martyrs?* Available at: <http://www.baltija.eu/news/read/23017> (accessed: 09.03.2020). (In Russian)
- Isakov S. G. (ed.) (2000) *Russian national minority in the Republic of Estonia (1918–1940)*. Tartu, Kripta Publ. (In Russian)
- Kein I. (1970) *Estonia — past, present*. Tallin, Eesti raamat Publ. (In Russian)
- Kostromin K. A. (2009) “Holy Isidor Church today and a hundred years ago”, in *Kolomenskie chteniia — 2008. Al'manakh*, no. 3, ed. by V. V. Antonov. St. Petersburg, Ardenn Publ., pp. 51–66. (In Russian)
- Kostromin K. A. (2019) “Estonian Deanery of the St. Petersburg Diocese”, in *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4 (24), pp. 196–209. (In Russian)
- Kostromin K., prot. (2017) “St. Isidorovsky Parish and its clergy in 1917”, in *Pravoslavnye estontsy Peterburga. 1917: do i posle (Materialy nauchno-prosvetitel'skoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 8 oktiabria 2017 goda)*. St. Petersburg, pp. 18–32. (In Russian)
- Kostromin K., prot. (2019) “Features of Estonian Orthodox identity at the beginning of the twentieth century (on the 100th anniversary of the martyrdom of the holy martyr Plato (Kulbusch), Bishop of Revel)”, in *Khristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 180–190. (In Russian)
- Kostromin K., prot. (2020) “Pavel Kulbusch (future holy martyr Plato, Bishop of Revel) as a student of the St. Petersburg Theological Academy”, in *Khristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 190–199. (In Russian)

- Kotov A. E., Petrov I. V. (2019) “At the origins of the Latvian Orthodox Church: from the ‘Russian faith’ to autocephalous tendencies”, in *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 338–353. (In Russian)
- Kul'bush P., sviashch. (1900). “Orthodoxy and Orthodox Estonians in the Baltic region and in the capital”, in *St. Petersburg Orthodox Estonian Brotherhood Activity Report 1898–1899*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe pravoslavnoe estonskoe bratstvo vo imia sviashchenomuchenika Isidora Iur'evskogo Publ., pp. 66–73. (In Russian)
- Musaev V. I. (2009) *The Estonian diaspora in northwestern Russia in the second half of the nineteenth and first half of the twentieth century*. St. Petersburg, Nestor Publ. (In Russian)
- Musaev V. I. (2018) *Orthodoxy in the Baltic States in the 1890–1930s*. St. Petersburg, Izd-vo Politekhnikeskogo universiteta Publ. (In Russian)
- Nestor (Kumysh), ierom. (2003) *New Martyrs of the St. Petersburg Diocese*. St. Petersburg, Satis", Derzhava Publ. (In Russian)
- Petrov I. V. (2014) “Orthodox parishes of Estonia in the late 1917–1920s in the context of military confrontation”, in *Rossia v epokhu revoliutsii i reform: problemy istorii i istoriografii: sb. dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*, vol. 2. St. Petersburg, LETI Publ., pp. 196–203. (In Russian)
- Petrov I. V. (2015) “Orthodox parishes of the island of Ezel during the German occupation of 1917–1918”, *Rossia v epokhu revoliutsii i reform: problemy istorii i istoriografii: sb. dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*, vol. 3. St. Petersburg, LETI Publ., pp. 138–142. (In Russian)
- Petrov I. V. (2017) “Persecution of the Orthodox Church in Soviet Russia and the newly independent Baltic countries during the civil and liberation wars: 1918–1922”, in *GULAG. Nachalo: materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Perm', 10–11 noiabria 2017 g.)*. Perm', Permskii nacional'nyi issledovatel'skii politekhnikeskii universitet Publ., pp. 160–168. (In Russian)
- Petrov I. V. (2017) “Two victims of the Russian episcopate in the first years of Soviet power: Bishop Revelsky Plato (Kulbush) and Archbishop of Omsk and Pavlodar Sylvester (Olshevsky)”, in *Grazhdanskaia voina na vostoche Rossii: vzgliad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 25–26 oktiabria 2017 g.)*. Omsk, Izd-vo OmGTU Publ., pp. 272–276. (In Russian)
- Philpott D. (2007) “Explaining the Political Ambivalence of Religion”, in *American Political Science Review*, vol. 101, no. 3, pp. 505–525.
- Rommen Heinrich A. (1945) *The State in Catholic Thought: A Treatise in Political Philosophy*. St. Louis, London, B. Herder and Co.
- Schmitt C. (2005) *Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty*, transl. by G. Schwab. Chicago, University of Chicago Press Publ.
- Shkarovskij M. V. (2018) “Estonian Orthodox Parishes in the St. Petersburg Diocese”, in *Pravoslavia v Baltii*, no. 7 (16), pp. 57–72. (In Russian)
- Shor T. K. (2017) “Letters and autographs of Patriarch Tikhon in the archives of the Synod of the Estonian Apostolic Orthodox Church”. *Materials of VII Pskov international local history readings*. Pskov, Pskovskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 176–187. (In Russian)
- Tserpitskaya O. L. (2011) *Orthodox spiritual mission and global modernization processes*. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo ushiversiteta Publ. (In Russian)
- Vlasov A. G. (2016) “From the history of the ‘St. Petersburg Orthodox Estonian Brotherhood in the Name of the Holy Martyr Isidor Yuryevsky’: 1898–1911”, in *Klio*, no. 1 (109), pp. 178–185. (In Russian).

Received: March 2, 2020

Accepted: April 23, 2020

Authors' information:

Archpriest Konstantin A. Kostromin — PhD, Associate Professor; k.a.kostromin@mail.ru
Olga L. Tserpitskaya — Dr. Sci., Associate Professor; olga-tserpitskaya@yandex.ru

TOM 2
2020

Nº2

233